

Научная статья

УДК 316

doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-17

ПРОЯВЛЕНИЯ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В РОССИИ И ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК

Наталия Владимировна Розенберг¹, Анна Михайловна Иванишко²

^{1, 2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹elya@sura.ru

²annadeenn@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изменения, происходящие в России в сфере семьи и брака, вписываются в концепцию второго демографического перехода. Однако трансформация института семьи в России началась позже, чем в большинстве европейских стран. Для российского населения характерна ориентация на двухдетную модель семьи, в то время как среди научного сообщества долгое время было распространено мнение, что второй демографический переход напрямую связан с однодетностью или отказом от деторождения. Цель работы – проанализировать проявления второго демографического перехода в России и Пензенской области с особым вниманием к трансформации репродуктивных установок. *Материалы и методы.* Для реализации исследовательских задач была изучена теория Р. Лестега и Д. Ван де Каа, раскрывающая особенности второго демографического перехода как социального явления. Были проанализированы данные исследований репродуктивных установок российского населения с 1995 по 2019 г. Для изучения репродуктивных установок, распространенных в Пензенской области, были использованы данные исследований «Брак и сожителство» (2020 г., $n = 520$), «Факторы влияния на репродуктивные установки» (2021 г., $n = 510$). *Результаты.* Было выявлено, что для России и Пензенской области характерны следующие тенденции: откладывание деторождений, более позднее вступление в брак, распространенность сожителства. В то же время на протяжении всех лет (с 1995 г. по настоящий момент) сохраняется массовая ориентация на двухдетную семью. Однодетная модель семьи также распространена среди российского населения, однако сознательная бездетность – редкое явление. *Выводы.* Трансформация сферы семьи и брака преимущественно затрагивает жизненный цикл человека – более позднее вступление в брак, позднее рождение первенца. Количественные характеристики репродуктивных установок менее подвержены изменениям и являются, скорее, отражением текущей экономической и социальной ситуации.

Ключевые слова: второй демографический переход, рождаемость, брак, репродуктивные установки

Для цитирования: Розенберг Н. В., Иванишко А. М. Проявления второго демографического перехода в России и Пензенской области: особенности репродуктивных установок // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 148–158. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-17

Original article

MANIFESTATIONS OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION IN RUSSIA AND PENZA REGION: FEATURES OF REPRODUCTIVE ATTITUDES

Nataliya V. Rozenberg¹, Anna M. Ivanishko²

^{1, 2}Penza State University, Penza, Russia

¹elya@sura.ru

²annadeenn@gmail.com

Abstract. *Background.* The changes taking place in Russia in the field of family and marriage fit into the concept of the second demographic transition. However, the transformation of the institution of the family in Russia began later than in most European coun-

tries. The Russian population is characterized by focusing on a two-child family model, while for a long time the scientific community has widely believed that the second demographic transition is directly related to having one child or giving up childbearing. The aim of the study is to analyze the manifestations of the second demographic transition in Russia and the Penza Region with special attention to the transformation of reproductive attitudes. *Materials and methods.* The theory of R. Lesteg and D. Van de Kaa is studied. The authors analyze data from studies of reproductive attitudes in the Russian population from 1995 to 2019. To explore the reproductive attitudes common in the Penza Region, the authors use research data: "Marriage and cohabitation" (2020, $n = 520$), "Factors influencing reproductive attitudes" (2021, $n = 510$). *Results.* The study reveals that the following tendencies are characteristic for Russia and the Penza Region: postponed childbirth, later marriage, prevalence of cohabitation. At that, throughout the years (from 1995 to the present), there has been a major focus on a two-child family. The one-child family model is also prevalent among the Russian population, but deliberate childlessness is a rare phenomenon. *Conclusions.* The transformation of the institutions of family and marriage mainly affects the life cycle of a person - later marriage, later birth of the first child. The quantitative characteristics of reproductive attitudes are less subject to changes and more likely reflect the current economic and social situation.

Keywords: second demographic transition, fertility, marriage, reproductive attitudes

For citation: Rozenberg N.V., Ivanishko A.M. Manifestations of the Second Demographic Transition in Russia and Penza Region: Features of Reproductive Attitudes. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2021;9(4):148–158. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-17

Тенденции, наблюдаемые в России, в сфере семьи и деторождения вписываются в концепцию так называемого «второго демографического перехода». Этот социально-демографический процесс был выделен и подробно описан Р. Лестегом и Д. Ван де Каа [1, с. 87]. В качестве главной его особенности упоминается падение рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства населения. Однако дело не столько в общем снижении рождаемости (так как подобная картина наблюдалась и в рамках первого демографического перехода), сколько в его причинах.

Главная причина низкой рождаемости в современных европейских странах – фундаментальные перемены в жизненном цикле человека [2, с. 56]. Распространение системы индивидуального брачно-семейного планирования; расширение свободы в выборе форм совместной жизни, брачного партнера, возраста рождения ребенка; более рациональный и ответственный подход к сексуальным отношениям и планированию детей – все это проявления экстенсивного роста возможностей каждого человека самостоятельно управлять своей демографической судьбой и принимать решения, опираясь не только на общепринятые стандарты, но и на свои собственные цели, желания, представления [3, с. 341].

К основным проявлениям второго демографического перехода относят [4]:

1) увеличение количества пар, предпочитающих сожительство официальному браку, а также снижение доли ранних браков (особенно связанных с добрачной и внебрачной беременностью);

2) одномоментный рост: возраста вступления в первый регистрируемый брак, возраста первого деторождения, среднего возраста материнства; все эти показатели отодвигаются на более поздние сроки;

3) заметное уплощение островершинности возрастного распределения деторождений, т.е. смещения самого популярного возраста рождения ребенка из возрастной группы 20–24 года в возрастную группу 25–29 лет. В странах, где трансформация брачно-семейных отношений началась раньше, наиболее популярный возраст рождения детей и вовсе сдвигается на период от 30 до 34 лет.

Некоторые исследователи относили к проявлениям второго демографического перехода отказ от двухдетной модели семьи и стремление к семье с одним ребенком или даже бездетности. Однако в научном сообществе быстро убедились, что подобная трактовка новейших тенденций не только слишком упрощает ситуацию,

но и может оказаться неверной в долгосрочной перспективе [5, с. 407]. Для второго демографического перехода также характерны заметное снижение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет; планирование собственного репродуктивного поведения. Другими словами, люди не отказываются от деторождения навсегда, а «переносят» его на «удобное» для них время. Безусловно, перманентное откладывание деторождений может привести к итоговой бездетности, однако нельзя сказать, что это массовое явление.

До 1990-х гг. все упомянутые перемены были слабо выражены среди российского населения [6, с. 50]. Ряд демографов отмечают выраженное «допереходное» состояние, для которого была характерна резкая асимметрия возрастной кривой рождаемости с пиком в молодых возрастах [7, с. 43]. До 1993 г. «молодела» не только рождаемость, но и брак. Вероятно, на фоне резких перемен в политике, экономике, социальной сфере люди искали стабильности в семье. Таким образом, в начале 1990-х гг. в России вклад в рождаемость матерей до 25 лет составлял не менее 40 %, в то время как в большинстве европейских стран – около 20 %.

Однако постепенно возраст и деторождения, и вступления в брак увеличивается. Эта тенденция характерна как для страны в целом, так и для отдельных регионов, включая Пензенскую область.

За последние годы регистрация брака переместилась в более поздние возраста. Так, по данным Росстата, большая часть россиян вступает в официальные отношения в возрасте от 25 до 34 лет. В 2018 г. 456,6 тыс. мужчин и 386 тыс. женщин зарегистрировали брак именно в этом возрасте. Возрастная группа старше 35 лет также достаточно активна с точки зрения регистрации отношений: 265,5 тыс. россиян и 216 тыс. россиянок выбрали этот период для создания семьи. Число браков, зарегистрированных в возрасте с 18 до 24 лет, сократилось в два раза по сравнению с 2011 г.: всего 170 тыс. мужчин и 285,5 тыс. женщин создали семью в возрасте от 18 до 24 лет в 2018 г. [8, с. 45].

В Пензенской области тенденция не только «постарения брака», но и снижения его авторитета, популярности также заметна. Это можно связать как с волнообразной деформацией возрастного состава населения (поколения, вступающие в брак в последнее десятилетие, отличаются малочисленностью в сравнении с предыдущими), так и с растущим распространением сожителств как формы отношений, которая претендует не только на «репетицию», но и на замену брака [9, с. 527]. По сравнению с 2012 г. в 2020 г. было заключено на 45 % меньше браков (рис. 1).

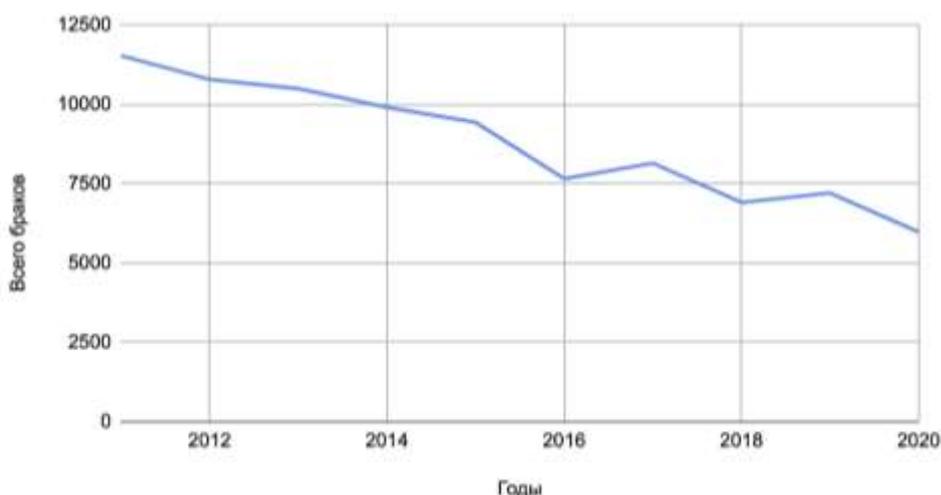

Рис. 1. Число браков, зарегистрированных в Пензенской области

Кроме того, за последнее десятилетие произошло перераспределение с точки зрения наиболее активного периода вступления в брак, особенно это заметно среди женщин. Если в 2011 г. наибольшее количество невест находилось в возрасте

18–24 года (5974 женщин), в то время как в возрасте 25–34 года в брак вступило 3874 женщины, то в 2020 г. эти возрастные группы не только приблизились друг к другу, но и поменялись местами: больше женщин вступило в брак в возрасте 25–34 года.

Еще одна глобальная тенденция – откладывание деторождений – также заметна как в России, так и в Пензенской области [10]. Однако такие особенности демографической картины России, как откладывание деторождений и постарение материнства, распространились в Пензенской области чуть позже, чем в среднем по стране.

Сравнительный анализ возрастных коэффициентов рождаемости – локального (для Пензенской области) и общероссийского – показал, что в 2008 г. наблюдалась разная динамика данных. Если в Пензенской области наибольший коэффициент рождаемости (85,2) был отмечен в возрастной группе 20–24 года, то в среднем по России наиболее репродуктивно активной оказалась возрастная группа 25–29 лет (92,4). Коэффициент рождаемости в Пензенской области во всех сегментах находится ниже среднероссийского (в среднем, он ниже на 23 %).

К 2017 г. динамика возрастных коэффициентов рождаемости в России и Пензенской области синхронизировалась и на данный момент остается на этом же уровне. Наиболее репродуктивно активной как на федеральном, так и региональном уровне оказалась возрастная группа 25–29 лет, коэффициент составил 87,0 в Пензенской области и 100,1 в России. В то же время разрыв между возрастными коэффициентами рождаемости в Пензенской области и в России увеличился. В среднем по всем возрастным группам показатели Пензенской области на 27,4 % ниже, чем федеральные.

Однако наибольший исследовательский интерес для нас представляет динамика репродуктивных установок как маркер второго демографического перехода [11, с. 25]. Массовые опросы населения о репродуктивных планах регулярно проводились в СССР с конца 1960-х до конца 1980-х гг. В основе опросных листов лежали вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей. Именно благодаря этим исследованиям можно отследить, как в массовом сознании сформировалась ориентация на двухдетность [12, с. 100].

Традиция изучения репродуктивных установок населения получила свое продолжение и в постсоветской России. Наиболее значимым и репрезентативным исследованием этого периода считается микроперепись населения 1994 г., в рамках которой были заданы вопросы, позволяющие отследить разницу между желаемым и ожидаемым числом детей [13, с. 57].

Начиная с 2004 г. в основу изучения репродуктивных планов и установок населения России легли данные обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), которое проводилось в три волны. Среди других значимых исследований стоит отметить опрос «Человек, семья и общество» в 2013 г., а также серию исследований, организованных Федеральной службой государственной статистики, среди которых «Семья и рождаемость» (2009 г.), а также «Выборочное обследование репродуктивных планов населения» 2012 г. и 2017 г. Среди основных выводов, которые можно сделать даже без глубокого синтеза данных всех исследований, – устойчивая ориентация на двухдетную модель семьи, заметная как среди мужчин, так и среди женщин.

Суммировав главные исследования, нацеленные на изучение репродуктивных установок в России, можно отследить динамику их изменения как среди мужчин, так и среди женщин. Основываясь на микроданных исследований, проведенных ВЦИОМ в период с 1995 по 2019 г., данных демографического мониторинга, а также данных ежемесячного исследования омнибусного типа «Курьер» за 2003, 2006, 2010, 2015, 2019 гг., Е. В. Чурилова и С. В. Захаров выделили ключевые факторы динамики ответов россиян на вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей [14, с. 87].

Анализируя массив данных всех исследований об идеальном числе детей в семье, Е. В. Чурилова и С. В. Захаров приходят к выводу, что между ответами

мужчин и женщин отсутствуют статистически значимые различия для всех календарных лет, кроме 2006 г. [15, с. 42]. Динамика этого показателя началась с идеального показателя 2,2 в 1995 и 1996 гг., затем в предкризисный 1997 г. он снизился до 2,0 и оставался на этом уровне до 1999 г. В 2000 г. был зафиксирован компенсирующий рост идеального числа детей в семье: 2,1 у женщин и 2,16 у мужчин. В дальнейших опросах, сделанных в 2000-е гг., показатель идеального числа детей оставался на уровне 2,3 и практически не менялся. Статистически значимый рост этого показателя отмечался исключительно в 2006 г. у мужчин и составлял 2,4. Ключевая тенденция, заметная во всех общероссийских опросах, – приближение все большего количества населения к двухдетному идеалу семьи (например, доля женщин, считающих двухдетную семью идеальной, выросла с 58,1 % в 1995 г. до 67,2 % в 2010 г.). Кроме того, в 2000-е гг. уменьшилось количество респондентов, считающих, что в идеальной ситуации детей в семье не должно быть вообще. При этом не произошло заметного роста доли мужчин и женщин, ориентированных на трехдетную модель семьи.

Для анализа репродуктивных установок, распространенных в Пензенской области, были использованы данные следующих исследований: социологический опрос «Брак и сожитительство» ($n = 520$), проведенный в 2020 г.; социологический опрос «Факторы влияния на репродуктивные установки» ($n = 510$), проведенный в 2021 г. Отметим, что эти опросы проводились среди молодежи, т.е. возраст респондентов не превышал 35 лет.

По данным опроса «Факторы влияния на репродуктивные установки» ($n = 510$), большая часть респондентов (62,7 %) выбирает семью с двумя детьми в качестве идеальной. Второй по популярности ответ – три ребенка, четверть респондентов назвала троих детей в качестве идеального числа детей. Однодетность не находит большой поддержки среди молодежи Пензенской области, всего 7,8 % выбрали этот вариант. Ориентация на бездетность, по данным этого опроса, отсутствует (рис. 2).

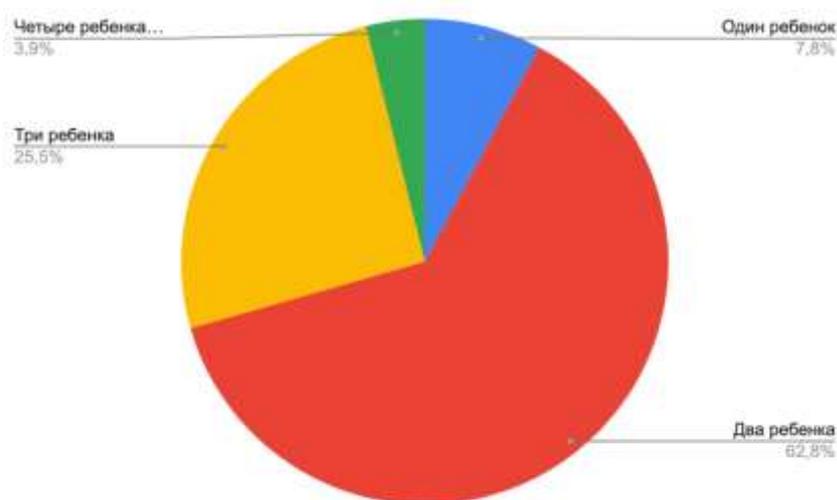

Рис. 2. Идеальное число детей, по данным опроса «Факторы влияния на репродуктивные установки» ($n = 510$)

В опросе «Брак и сожитительство» информация об идеальном числе детей была получена опосредованно, с помощью вопроса о составе семьи. Именно вопрос о семье среднего размера наилучшим образом репрезентует социальные нормы, усвоенные респондентом. «Средний размер» ассоциируется с типичностью, общепринятыми нормами. Описывая семью такого типа, респонденты обращаются к собственным стандартам семьи, которые были усвоены в процессе социализации. Как правило, ответ на этот вопрос совпадает с установками относительно идеального числа детей. Мнения относительно семьи среднего размера были более единодушны: 71,2 % респондентов посчитали, что в ней присутствует двое детей.

Двухдетная модель семьи считается наиболее желанной в современном российском обществе. Однако реализовать свои планы могут не все, что подтверждает преобладание однодетных семей в структуре российских домохозяйств [16, с. 41]. Кроме того, 22,1 % респондентов считают, что семья среднего размера – это семья с одним ребенком.

Динамика желаемого числа детей среди россиян изучена более глубоко, поскольку вопросы о желаемом числе детей традиционно включаются в большинство исследований о репродуктивных установках [17, с. 33]. В 1995 г. среднее желаемое число детей у женщин составляло 2,1, а у мужчин – 2,2. В дальнейшем эта особенность (желаемое число детей у мужчин выше, чем у женщин) будет сохраняться. В период с 1996 по 1997 г. у мужчин этот показатель немного уменьшился, а у женщин остался на том же уровне. Вероятно, это связано с кризисной социально-экономической ситуацией в стране. Несмотря на то, что в вопросе о желаемом количестве детей респондентам предлагается представить максимально комфортные условия для деторождения, общий фон обстановки в стране продолжает косвенно влиять на их убеждения [17, с. 125].

Далее наблюдается несколько скачков показателя желаемого числа детей, первый из которых произошел в 2003 г. По итогам опроса, проведенного в конце 2001 г., среднее желаемое число детей увеличилось до 2,33 у женщин и до 2,34 у мужчин. В это же время большее количество респондентов призналось в желании иметь троих детей, и меньшее количество рассказало о том, что вообще не хочет бы иметь детей.

В 2006 г. снова наблюдается резкий скачок в ответах о желаемом числе детей, заметный как среди мужчин (2,52), так и среди женщин (2,4). Рост желаемого числа детей произошел на фоне изменений в демографической политике: на $\frac{1}{2}$ было увеличено пособие при рождении ребенка, а также повысился размер пособий по беременности и родам, уходу за детьми до 1,5 лет. В этом же году в послании Президента Федеральному собранию прозвучало объявление о новых масштабных мерах поддержки: материнском капитале при рождении второго и последующих детей. В ответ на это резко снизилась доля женщин, которые не хотели бы иметь детей вообще; также уменьшилось количество женщин, ориентированных на однодетность; и в два раза увеличилось число тех, кто при комфортных условиях рассматривает вариант семьи с четырьмя и более детьми [18, с. 37]. Тенденции ориентации на более высокую детность проявились и в ответах женщин, и в ответах мужчин.

«Заряда» от объявления о материнском капитале хватило на четыре года – к 2010 г. среднее желаемое число детей снова снизилось: до 2,4 у мужчин и 2,27 у женщин (у женской части респондентов показатели уменьшились практически до уровня 1995 г.). К 2015 г. среднее желаемое число детей снова немного опустилось до уровня 2,2 у мужчин и 2,24 у женщин. В этот же период сократилось число женщин, которые мечтали о трех детях: с 25,7 % в 2006 г. до 21 % в 2015 г. В итоге произошло перераспределение респондентов по желаемому числу детей, и количество тех, кто хотел бы одного или двух детей, возросло [19, с. 66].

Однако, по итогам массового опроса 2019 г., снова произошло резкое увеличение желаемого числа детей – до уровня 2,5 и среди женщин, и среди мужчин. В этот же период снова изменилось соотношение ответов о желаемом количестве детей в семье. Женщины также стали заметно смелее в своих репродуктивных намерениях. Доля тех, кто готов к рождению двух детей, снизилась более чем на 10 %: с 58,5 до 47,8 %; в то же время до 26,6 % выросло число женщин, ориентированных на трехдетную семью; а также расширилась группа респонденток, выбравших ответ «четыре и более детей»: с 7 до 12%. Среди мужчин заметна похожая динамика. Относительно 2010 г. доля тех, кто при всех необходимых условиях хотел бы двоих детей, снизилась на 14 % (с 54 до 40 %); в этот же период на 4,5 % выросло число тех, кто хотел бы семью с тремя детьми (с 24,2 % до 28,7 %); кроме того, более чем в два раза увеличилось число респондентов, готовых к рождению четверых и более детей, с 6 до 15 %. Можно предположить, что резкий

рост желаемого числа детей связан с новым комплексом мер поддержки для семей с детьми, озвученным в 2019 г.

Динамика желаемого числа детей среди россиян подтверждает, что добровольная бездетность не поддерживается массово, в то время как двухдетный образ семьи находит отражение в сознании большинства опрошенных [20]. Желаемое число детей среди россиян в значительной степени зависит от мер государственной поддержки – на фоне объявления о новых пособиях, как правило, растет желаемое число детей [21, с. 364].

В Пензенской области среди ответов на вопрос о желаемом числе детей сохраняется ориентация на двухдетность. По данным опроса «Брак и сожительство», наиболее распространенным остался вариант «Двое детей» (37,5 %). О желании иметь троих детей упомянули 31,7 % респондентов, этот ответ на втором месте по распространенности. Одинаково часто выбирали утверждения об одном и о четырех и более детях – 8,7 % набрали оба варианта. Доля потенциальных «чайлдфри» значительно сократилась – до 2,9 %.

Распределение ответов о желаемом числе детей в опросе «Факторы влияния на репродуктивные установки» несколько иное. В качестве желаемого числа детей большинство респондентов выбрали вариант «Два ребенка» – 51 % респондентов. О желании иметь троих детей высказались 33,3 % респондентов (уровень ориентации на трехдетную модель семьи практически синхронизирован, по данным обоих опросов). Одного ребенка при всех необходимых условиях хотят иметь 13,7 % (рис. 3).

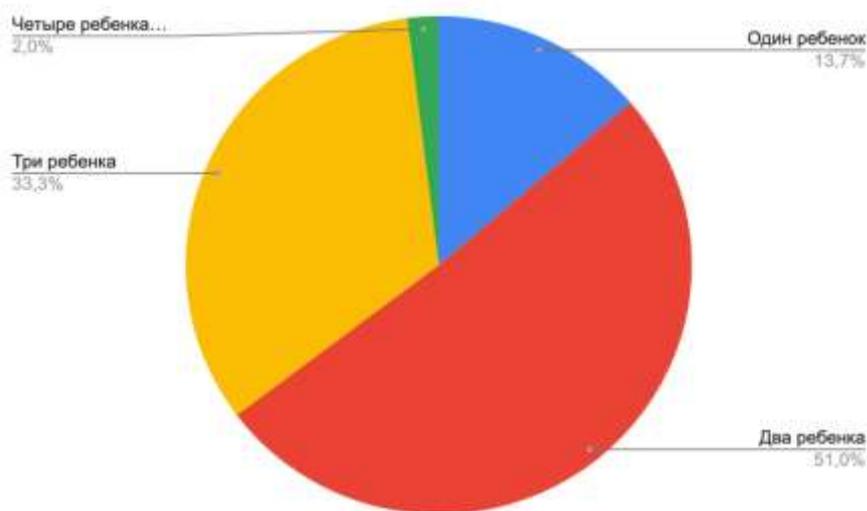

Рис. 3. Желаемое число детей, по данным опроса «Факторы влияния на репродуктивные установки» ($n = 510$)

Ожидаемое число детей, в отличие от идеального и желаемого, значительно меньше подвержено переменам. Среднее ожидаемое число детей – это отражение актуальных репродуктивных планов на фоне текущего уровня жизни. Среди этих условий могут быть и отношения с партнером, и материальное положение, и жилищные условия, и состояние здоровья, и психологические факторы [22].

Колебания среди ответов об ожидаемом числе детей оказались незначительными как с точки зрения разницы между мужчинами и женщинами, так и с точки зрения динамики во времени. Минимальное значение этого показателя отмечалось в 1997 г. среди мужчин, тогда оно составило 1,75. Максимальное значение среднего ожидаемого числа детей было зафиксировано в 2010 г. среди женщин – 1,99. Таким образом, разница между минимальным и максимальным колебаниями ожидаемого числа детей крайне невелика. Среди самых популярных ответов об ожидаемом числе детей: двое детей (ни в одном вопросе доля выбравших этот вариант не опускалась ниже 41,9 %); один ребенок (этот вариант во всех опросах

выбирали не менее 20 % респондентов); трое детей (не менее 8 % в каждом из опросов).

В Пензенской области показатели ожидаемого числа детей также значительно ниже идеального и желаемого. По данным опроса 2020 г. «Брак и сожителство», самым популярным ответом стал вариант «Двоих детей» (26,9 %), почти столько же раз выбирали вариант «Одного ребенка» (25 %), третья по распространенности установка – «Я не хочу иметь детей» (18,3 %). Результаты опроса показывают, что большинство респондентов предпочитают двухдетную модель семьи, однако в целом установки детности несколько занижены по сравнению со средними по России.

В опросе «Факторы влияния на репродуктивную установку» ответы распределились иным образом, однако ключевой ориентир – двухдетная семья – также преобладает. 51 % респондентов хотели бы иметь двоих детей в текущих жизненных условиях, в то время как 37,3 % в настоящий момент готовы только к одному ребенку. Доля молодежи, отказывающейся от деторождения в существующих условиях, также заметна – 3,9 % (рис. 4).

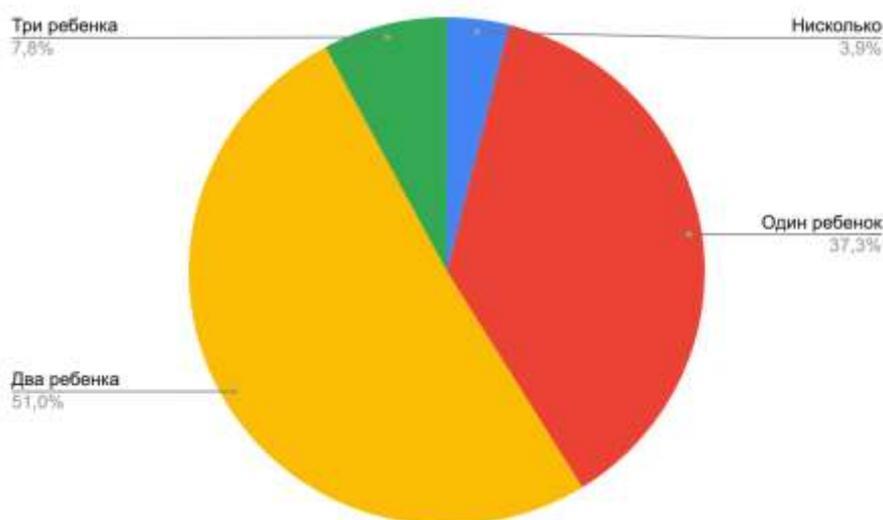

Рис. 4. Ожидаемое число детей, по данным опроса «Факторы влияния на репродуктивные установки» ($n = 510$)

Таким образом, маркеры второго демографического перехода стали проявляться в России после 1990-х гг., а своего пика достигли после 2010 г. Тенденции откладывания деторождения, «пробных» и «гражданских» браков, падения авторитета брака заметны на территории всей России, включая Пензенскую область. Однако отличительной чертой демографических ориентиров российского населения является приверженность двухдетной модели семьи – это заметно во всех опросах, проведенных в разные годы и в России, и в Пензенской области. Следовательно, нельзя говорить о полном падении детоцентристских установок и ценностей. Для большинства россиян, включая молодежь, характерно стремление к семье с двумя детьми, реже – с одним ребенком, добровольная бездетность не является внутренне мотивированной. Если такие убеждения и встречаются, то в большинстве случаев это реакция на текущие жизненные условия: экономические, жилищные, социальные.

Список литературы

1. Van de Kaa D. J. Demographic Transitions // Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography, 1. / Y. Zeng, ed. Oxford : Eolss Publishers, 2010. P. 65–103.
2. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition in Western Countries : An Interpretation // Gender and Family Change in Industrialized Countries. Oxford : Clarendon Press, 1995. P. 17–62.

3. Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition : An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland // *Eur. J. Popul.* 2002. Vol. 18, № 4. P. 325–360.
4. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* 2014. № 111 (51). P. 18112–18115.
5. Sobotka T., Beaujouan É. Two is Best? The Persistence of a Two-child Family Ideal in Europe // *Population and Development Review.* 2014. Vol. 40 (3). P. 391–419.
6. Кучмаева О. В., Марьганова Е. А., Петрякова О. Л., Синельников А. Б. О современной семье и ее воспитательном потенциале // *Социологические исследования.* 2010. № 7 (315). С. 49–55.
7. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2001. № 5 (55). С. 7–14.
8. Бодрова В. В. Репродуктивные ориентации населения России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1997. № 3. С. 44–47.
9. Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // *Экономический журнал Высшей школы экономики.* 2011. Т. 15, № 4. С. 519–542.
10. Землянова Е. В., Чумарина В. Ж. Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // *Социальные аспекты здоровья населения.* 2018. № 6 (64). С. 9. doi:10.21045/2071-5021-2018-64-6-9
11. Антонов Г. В., Лактюхина Е. Г. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // *Вопросы статистики.* 2015. № 7. С. 21–31.
12. Белова В. А. Некоторые аспекты изучения репродуктивного поведения // *Рождаемость: проблемы изучения : сб. ст. / под ред. А. Е. Дарского. М. : Статистика, 1976. С. 93–105.*
13. Андреев Е. М., Бондарская Г. А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе населения? // *Вопросы статистики.* 2000. № 11. С. 56–62.
14. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* 2019. № 3-4 (129). С. 69–89.
15. Захаров С. В., Чурилова Е. В., Агаджанян В. С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // *Демографическое обозрение.* 2016. Т. 3, № 1. С. 35–51.
16. Бирюкова С. С., Тындик А. О. Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики // *Демографическое обозрение.* 2014. № 3. С. 33–64.
17. Синявская О. В., Тындик А. О., Головляница Е. Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России // *Семья в центре социально-демографической политики : сб. аналит. ст. / отв. ред. О. В. Синявская. М. : НИСП, 2009. С. 19–46.*
18. Исупова О. Г. Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. // *Демографическое обозрение.* 2018. Т. 5, № 3. С. 25–56.
19. Рыбаковский Л. Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // *Социологические исследования.* 2015. № 9 (377). С. 62–70.
20. Захаров С. В. Возрастная модель брака в России // *Отечественные записки.* 2006. № 4 (31). С. 271–300.
21. Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // *Журнал исследований социальной политики.* 2012. Т. 10, № 3. С. 361–376.
22. Захаров С. В., Митрофанова Е. С. Российская молодежь в брачно-семейном интервью // *Демоскоп Weekly.* 2014. № 619-620. С. 1–24.

References

1. Van de Kaa D. J. Demographic Transitions. *Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography, 1.* Oxford: Eolss Publishers, 2010:65–103.
2. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition in Western Countries : An Interpretation. *Gender and Family Change in Industrialized Countries.* Oxford: Clarendon Press, 1995:17–62.
3. Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland. *Eur. J. Popul.* 2002;18(4):325–360.

4. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014;(111):18112–18115.
5. Sobotka T., Beaujouan É. Two is Best? The Persistence of a Two-child Family Ideal in Europe. *Population and Development Review*. 2014;40(3):391–419.
6. Kuchmaeva O.V., Maryganova E.A., Petryakova O.L., Sinelnikov A.B. On Modern Family and Its Educational Potential. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2010;(7):49–55. (In Russ.)
7. Levada Yu.A. Generations of the 20th Century: Research Opportunities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2001;(5):7–14. (In Russ.)
8. Bodrova V.V. Reproductive Focus of the Russian Population. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 1997;(3):44–47. (In Russ.)
9. Mitrofanova E.S. Demographic Behavior of Generations of Russians in the field of Family and Fertility. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Economic Journal of the Higher School of Economics*. 2011;15(4):519–542. (In Russ.)
10. Zemlyanova E.V., Chumarina V.Zh. Postponing Childbearing by Russian Women in Modern Social and Economic Conditions. *Sotsialnye aspekty zdoroviya naseleniya = Social Aspects of Population Health*. 2018;(6):9. (In Russ.). doi:10.21045/2071-5021-2018-64-6-9
11. Antonov G.V., Laktyukhina E.G. Crisis of the Institution of Marriage in Modern Russia: Reality or Fiction? *Voprosy statistiki = Statistics Aspects*. 2015;(7):21–31. (In Russ.)
12. Belova V.A. Some Aspects of Studying Reproductive Behavior. *Rozhdaemost: problemy izucheniya: sb. st. = Fertility: Study Challenges: Collection of Papers*. Moscow: Statistika, 1976:93–105. (In Russ.)
13. Andreev E.M., Bondarskaya G.A. Is It Possible to Use Data on Expected Number of Children in Population Projections? *Voprosy statistiki = Statistics Aspects*. 2000;(11):56–62. (In Russ.)
14. Zakharov S.V., Churilova E.V. Reproductive Attitudes of the Russian Population: Is There a Reason for Optimism? *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2019;(3-4):69–89. (In Russ.)
15. Zakharov S.V., Churilova E.V., Agadzhanyan V.S. Fertility under Remarriages in Russia: Does Joining a New Marital Union Enable Achieving the Ideal of a Two-Child Family? *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2016;3(1):35–51. (In Russ.)
16. Biryukova S.S., Tyndik A.O. Marriage registration and childbirth in Biography of Russians: Analysis of Current Statistics. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2014;(3):33–64. (In Russ.)
17. Sinyavskaya O.V., Tyndik A.O., Golovlyanitsina E.B. In What Families Are Children Born? Factors of Reproductive Behavior in Russia. *Semiy v tsentre sotsialno-demograficheskoy politiki: sb. analit. st. = Family as a Focus of Social and Demographic Policy: Collection of Papers*. Moscow: NISP, 2009:19–46. (In Russ.)
18. Isupova O.G. Attitude to Measures to Stimulating Birth Rate according to the 2015 Microcensus. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2018;5(3):25–56. (In Russ.)
19. Rybakovskiy L.L. Concept of Russian Demographic Policy: Practices of Development and Ways of Improvement. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2015;(9):62–70. (In Russ.)
20. Zakharov S.V. Age model of marriage in Russia. *Otechestvennye zapiski = Russian Remarks*. 2006;(4):271–300. (In Russ.)
21. Tyndik A.O. Reproductive Attitudes and Their Implementation in Modern Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki = Journal of Social Policy Studies*. 2012;10(3):361–376. (In Russ.)
22. Zakharov S.V., Mitrofanova E.S. Russian Youth in Marriage and Family. *Demoskop Weekly*. 2014;(619-620):1–24. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Н. В. Розенберг – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

А. М. Иваншико – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

N.V. Rozenberg – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Sub-department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

A.M. Ivanishko – Postgraduate Student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare that no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 29.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.11.2021

Принята к публикации / Accepted 30.11.2021